

ANDREY POLONSKY
АНДРЕЙ ПОЛОНСКИЙ

I'LL HAVE A SMOKE
ЛУЧШЕ Я ПОКУРЮ

Poems / Стихотворения

Translated by Aleksey Dayen
Перевод Алексея Даена

Cross-Cultural Communications
Merrick, New York
2010

Copyright © 2010 by Cross-Cultural Communications
Russian originals Copyright © 2010 by **Andrey Polonsky**
English translations Copyright © 2010 by **Aleksey Dayen**
Photograph Copyright © 2010 by **Taisiya Tashevsky**

ALL RIGHTS RESERVED / ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ
No part of this book may be reproduced in any form
without permission of the publisher or the copyright holders
unless by a reviewer who wishes to reprint as part of the review

Library of Congress Control Number: 2010930566
ISBN: 978-0-89304-229-5

Editor-Publisher: **Stanley H. Barkan**
Russian Poets Series Editor: **Aleksey Dayen**

Special thanks to *Olga Chevalkova, Anastasiya Kharlamova,*
Sergey Tashevsky, and Vitaly Amoursky for their advice

Published by / Издательство
Cross-Cultural Communications
239 Wynsum Avenue
Merrick, NY 11566-4725/USA
Tel: (011 516) 868-5635
Fax: (011 516) 379-1901
E-mail: cccpoetry@aol.com

Russian Poets Series #3

First Edition

Designed by Cross-Cultural Communications
Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ / TABLE OF CONTENTS

6	Иначе не выйдет
7	Otherwise it won't work
8	По крайней мере они
9	They, by all last-ditch means
10	Летнее серое небо
11	Summer's gray sky
16	если бы юноша
17	if the young man
18	Таня рассказывала
19	Tanya was telling me
22	Всегда оправданное усилие
23	This is always a justified effort
24	Мое лупоглазое бессмертие
25	My full-eyed immortality
28	Секс, разумеется, гораздо лучше сна
29	It's said that sex is better than sleep
30	Последнее время я пишу
31	Lately I write
35	В чужой стране, наверное, будет война
37	It seems that that the war is about to break
38	в советское время Адлер
39	Adler of the Soviet era
42	Клубные пиджаки, короткие юбки
43	Blazers, short skirts
44	КРАТКИЙ ЛИКБЕЗ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ
45	ON THE ISSUE OF MULTI-ETHNIC RELATIONS
48	ИСКУССТВО
49	ON ART
50	Никто ничего не говорил
51	Nobody said anything
52	Все, что я умею, имею
53	All I know and have
54	<i>About the Translator / О переводчице</i>
55	<i>About the Author / Об авторе</i>

Иначе не выйдет.

Ветер в городе мертвых, ветер.

Если хочешь остаться дома,
помни старую легенду о призраке,
пугающем малолеток.

В городе мертвых все приспособлено для
счастливой спокойной жизни –
трапециевидные дома, изысканные удобства,
теплые постели, мягкие кресла,
постоянно создающиеся рабочие места,
и дешево можно снять офис,
и ёмкий рынок,
лучшее медицинское обслуживание,
гарантированное бессмертие.

Вот только ветер в городе мертвых, ветер.

Поэтому ничего у нас и не выйдет,
если не добраться до города мертвых на
бронемашине,
не разнести его к черту,
не вспахать землю,
не засеять поле,
не вырастить пшеницу,
не собрать урожая
и не отправиться на бронемашине обратно, в Рим,
доложить Сенату

пронзительный в стране мертвых ветер, ветер,
теперь только ветер пронзительный в стране
мертвых.

Otherwise it won't work.

There is a wind in the City of the Dead, wind.

If you'd like to stay indoors,
try to recall an old legend about a phantom
that terrifies little ones.

In the City of the Dead everything is customized
for a steady and happy life—
trapezoid houses, exquisite amenities,
cozy beds, benign chairs,
constantly created new jobs,
cheap offices to let,
capacious market,
the best medical care,
guaranteed immortality.

But the wind in the City of the Dead doesn't go away, the wind.
So we have no choice but
to roll an armored car straight into the City of the Dead—
to take it apart for God's sake,
to give the land a turn,
to plant a field with wheat,
to gather the harvest,
to get back to Rome in the armored car
and to report to the Senate:

The wind in the City of the Dead is penetrating, the wind,
brazen wind, and just the wind in the City of the Dead.

По крайней мере они,

собаки, медведи, слоны, обезьяны, тигры, пантеры,
косули, кенгуру, коровы, овцы, зайцы, кошки, волки
не смотрят рекламы и мыльных опер.

Франциск! Потомки тех, кто ел из твоих рук,
ближе к небу,

чем потомки тех, кто молился
в храмах твоего ордена.

Монахам не следовало воздерживаться от
деторождения,

и, глядишь,

было бы меньше любителей поп-корна.

Мой пес, привыкший лизать чужое дерьмо,
когда включают телевизор, все же
поворачивается к нему задом.

They, by all last-ditch means—

dogs, bears, elephants, monkeys, tigers, panthers,
roebucks, kangaroos, cows, sheep, rabbits, cats, wolves
do not watch commercials and soap operas.

St. Francis! The descendants of those who ate from your
palms are closer to Heaven
than the descendants of those who prayed
in your Order's temples.

It was a bad idea for monks to refrain from procreation.

Otherwise,

we would probably see fewer popcorn lovers.

My dog got used to lick strangers' shit,

but, turns its tail back towards

a turned-on TV set.

Летнее серое небо

Анастасия шьет юбку
и толкует сны

помни, ангел, какими мы были,
помни, чтобы легче лететь по небу,
помни, чтоб помочь торговцам сохранить свою
прибыль,
помни, чтоб помочь правителям
воздержаться от бомбардировок

летнее серое небо
царапают вершины берез
поднимается ветер

двадцатого июля Нострадамус обещал конец света
но время длится
часы не останавливаются
Анастасия шьет юбку
и толкует сны

в саду
наливаются яблоки
уже созрел крыжовник
и крапива стала несколько выше
соседского пятилетнего мальчугана

поднимается ветер
стучит швейная машинка
дымок из трубки растворится,
не достигнув ближайших яблонь

тщета человеческих усилий

сансара, – сказала Анастасия, –
прекрасна причудливыми сочетаниями событий
молодой умер старик живет
человек среднего возраста читает книгу

Summer's gray sky

Anastasia is sewing a skirt
and interprets dreams.

Angel, please remember what we were like,
remember in order to ease the sky flights,
remember in order to help all the merchants retain their
profits,
remember in order to aid the sovereigns
refrain from bombings.

Summer's gray sky
scrapes birch crowns—
the wind is rising.

Nostradamus predicted the end of the world
on the twentieth of July,
but time prolongs and clocks don't stop.
Anastasia is sewing a skirt
and interpreting dreams.

In the garden
the apples ripen
the gooseberries mature
and the nettle is a bit taller
than the five-year-old boy next door.

The wind is rising
the sewing machine is chattering
the pipe smoke dissolves into thin air
before it reaches the near-by apple-trees.

The vanity of human endeavors.

"Samsara," said Anastasia, "is a beautiful
bizarre thing by its combination of events"—
a young man expired, an old one is still kicking,
a middle-aged man is reading a book.

ангел старается запомнить, как я шью,
чтобы уговорить правителей
воздержаться от бомбардировок
седой раввин в синагоге толкует Тору
священник едет крестить племянника
крестьянин хлещет водку на сеновале
крестьянка обсуждает с горожанином цены на
молоко

ангел, поднимись выше
ты увидишь всех нас
на фоне вечернего чаепития
мрачных красивых
я вас вижу вижу
влюбленных забывчивых
птицеловов фанатиков
краснолицых черноголовых
египтян римлян
финикийцев и эфиопов

милый мой ангел, там, где видел ты эфиопов –
только одни якуты

и ангелы могут при случае ошибиться

Нострадамус обещал конец света
оптимист пессимист
бедняга
умер

стук швейной машинки
березы царапают серое небо
Анастасия сочиняет песню
о далекой земле, обетованной

куда високосный год улетает молиться
чтобы не было больше високосного года

The angel is trying to memorize my sewing technique
in order to help the sovereigns
refrain from bombings—
a gray-haired rabbi in the synagogue interprets Torah,
a priest is on his way to baptize his nephew,
a Jack swigs vodka in the hayloft,
a Joan discusses milk prices with some dude.

Rise higher, angel—
you'll see us all
at the evening cup of tea.
"I see all of you—
dark gorgeous
lovey-dovey forgetful
fowlers, fanatics,
red-faced black-headed
Egyptians, Romans,
Phoenicians, and Ethiopians."

"My dear angel, you've seen Ethiopians in the place
where only Yakuts can be found."

Even angels make mistakes from time-to-time.

Nostradamus predicted the end of the world
an optimist, a pessimist—
poor fellow—
died.

The chatter of the sewing machine,
the birches scrape the gray sky.
Anastasia composes a song
about a far-off Promised Land

where the leap year flies off to pray
so that there would be no leap years any longer

чтобы все пришло в порядок в соответствии
с людским разумением

ангел поднимается выше и выше
становится точкой
становится метеоритом
пролетая мимо космической станции "Мир"
он стучит в люк и говорит "привет"
скучающим космонавтам

опять этот ангел
а на земле вероятно
поднимается ветер
смотри песчаная буря
это шалят приборы
притворы подруги подранки
девчонки мальчишки
пуритане и лесбиянки
читавшие книжки
искавшие корни
будь спокоен
и спи покорно

спят
под стук швейной машинки
под мерный голос Анастасии
под скрип неба
и перебранку мимоезжих автомобилей

ангел вернись
нужно найти хоть какой-то выход
вылечить высмеять обеспечить
всеобщее процветание

улетел
и сегодня уже не вернется

that things would shape in order
according to human comprehension.

The angel rises higher and higher
turns into a dot
turns into a meteorite
flying past the space station *Mir*
knocks on the hatch and says, "Hi"
to the bored cosmonauts.

Here is this angel again,
and the wind is probably rising
on the Earth—
look, there is a sandstorm
that's just a glitch of devices
fakes, girlfriends, orphans
boys, girls
puritans and lesbians
who read books
in search of roots . . .
be calm
and sleep tight.

So they do . . .
to the sewing machine's chatter
to the tune of Anastasia's smooth voice
to the creak of the sky
and to the hassle of the passing-by cars.

Come back, angel,
a solution must be found
to cure to kid to provide
prosperity for all.

It flew away
and—for sure—won't come back today.

если бы юноша,

выбрывающий виски,
натирающий виски ядом для крыс
и засовывающий голову в целлофановый пакет
умел говорить,
он бы сказал –

жизнь – классная вещь

но юноша,
выбрывающий виски,
натирающий виски ядом для крыс
и засовывающий голову в целлофановый пакет –

глухонемой

if the young man

who shaves his temples clean,
rubs temples with rat poison,
and covers his head with a plastic bag
could talk,
he would say—

Life is a beautiful good thing . . .

But the young man
who shaves his temples clean,
rubs his temples with rat poison,
and covers his head with a plastic bag—

is deaf-and-dumb

Таня рассказывала как ты перебегал городскую
речку по водопроводной трубе,
не касаясь трубы стопами, ей-богу, говорила она,
между тобой и поверхностью трубы был зазор,
своего рода клиренс, и никаких колес...
Ты летел над водопроводной трубой,
над майской Ялтой, над собственным телом, над
перечислениями обязательств, файлами долговых
расписок,
директориями планов и надежд...
План, – это, безусловно, напрашивающееся слово,
тем более, оно соответствует реальности, итак, дури в
тот вечер было достаточно...
Хотя. Когда ты летел над речкой, уже был рассвет,
прохладно, но рассвет,
Ялта
готовилась просыпаться,
просыпались любовники, улыбались друг другу,
она проводила острым ногтем ему по позвоночнику,
добиралась до задницы и забиралась вглубь,
подражая его движениям двумя-тремя часами
раньше,
вечность раньше,
поднимались старухи, вставляли ноги в тапки,
шли отворить окна, распахнуть двери,
впустить еще один день в свою короткую жизнь,
слава Богу, утро,
просыпались собаки, засыпали кошки,
просыпались птицы, засыпали летучие мыши,
просыпались дворники, засыпали сторожа...
А ты летел над Ялтой, над Ореадной и Спартаком,
над Массандровским пляжем и фуникулером,
над улицей Рузвельта и Поляной сказок,
ты делал свой круг над Ялтой, над тем городом,
который я любил всегда, а ты – только с недавних
пор, где мы накрутили тысячи километров пешком,
по бутылке портвейна в руке,

Tanya was telling me about your crossing the city
river over a water supply pipe
no touching it with your feet—honestly—she would say
there was a gap between you and the pipe,
a sort of clearance, and no wheels . . .
You were flying over the water-supply pipe,
over Yalta in May, over your own body, over
citations of facts, folders with filled with bills,
roots of the plans and hopes . . .
Plan—is a certainly a self-suggesting word,
moreover, it corresponds with reality—
we’ve planted more than enough grass in ourselves
that night . . .
Though, when you were flying over the river
it was already dawn, it was cold at sunrise,
Yalta
was about to wake up,
the lovers were waking up smiling at each other,
she was scraping her sharp toenail along his backbone,
reaching the butt and going inside,
imitating his movements from two or three hours earlier,
earlier as an eternity . . .
old women were getting up inserting their feet into
slippers, going to open windows, doors
to have one more day in their short lives—
thank God, it’s morning,
dogs were waking up, cats were going to sleep,
birds were waking up, bats were going to sleep,
janitors were waking up, night watchmen were falling
asleep . . .
And you were flying over Yalta, over the Oreadna
and the Spartak,
over Massandra beach and the cable-railway,
over Roosevelt Street and the Fairy Glade,
you were making circles over Yalta, over the city
I always loved, that you fell in love with recently,
where we roamed thousands of miles on foot,
with bottles of port in hand,

где наши подруги писали рассказы о любви,
и это, возможно, единственное, что запомнит о нас
Ялта,
ты летел над городом воспоминаний,
бред Шагала, ошибка природы,
жертва советского воспитания,
Сергей Ташевский в 2003 году.

where our girlfriends were writing love stories,
and that is probably how we're going to be remembered
in Yalta—
you were flying over the city of reminiscence,
Chagall's delirium, freak of nature,
victim of the Soviet nurture,
Sergey Tashevsky in 2003.

Всегда оправданное усилие. Я не спорю
с тобой.

Совсем о другом,
в городе, еще заснеженном, мне хочется думать.
Конечно, обязательства. Конечно, договорились.
И теперь делать нечего.
Послушай, поцелуй меня.

This is always a justified effort. I'm not arguing with you.

I want to think of a quite different thing, in the city still covered with snow.

Obligations, of course. OK, agreed upon.

There's nothing to do.

Listen, give me a kiss.

Мое лупоглазое бессмертие,

Обещанное, просто так
завещанное, чёрти с кем
пропитое. Помнишь,
В те времена горничные брали без лишних слов,
желая сохранить место. Прачки
грубыми руками стирали с холста морщины.
Пришедший мог нащупать связь между конкой и
конницей,
размахивая энциклопедией Брокгауза и Ефрона.
Он поднимал сотню томов, приподнимая правую
бровь,
и гости думали: «Приехали, прискакали».
Действительно эпоха заканчивалась, чтоб до конца
завершиться на рю Дарю, нужно было произвести
ещё несколько магических операций.
Он доливал в колбу кровь крысы, выл на луну и
повторял как сновидец сновидцу:
столица будет перенесена, в городе кончится хлеб,
трупы расстрелянных станут сбрасывать в овраги, и
засыпать...
Засыпать сладко.

Не верю, что история так и кончится на
оптимистической ноте.

Не верю,
что условия игры обозначены фразой
всем все по хую.

Тогда, конечно же, до всего каждому было дело,
послеобеденные обыватели спокойно шли на смерть
ради запятой в формулировке приказа,
оставляя домочадцев без средств к существованию.
Впрочем, чтобы выжить, денег надо было иметь
совсем не много,
а голодали повсюду.
И в Москве, и в Амритсаре, и в Лондоне, и в Киото,
и в Йоганессбурге, и в Йокагаме.

My full-eyed immortality,

promised to me just like that,
willed by who knows who
dunked away hell knows with whom. Do you remember
how back in those days maids used to blow us without a word
just to be on the safe side? Laundresses used to smooth
wrinkles from canvases with their earthy hands.

A comer could feel the relation between a horse tram
and a horse cavalry waving the Encyclopedia Dictionary
by Brockhaus and Efron.

He would go through one hundred volumes raising his
right eyebrow, and the guests would say to themselves:
“We arrived, we galloped in.”

The era was really coming to an end, to be finally over on
rue Daru, where some magic rituals were used to be
performed.

He would add rat’s blood to a flask, howl at the moon
and repeat as one prophet to another: The capital will be
transferred, the city will run out of bread,
corpses of the massacred will be thrown into the ravines
and reviled . . .

Sleep tight.

I don’t believe the story will end on an optimistic note.
I don’t believe
that the rules of the game were settled this way: No one
gives a damn.

Of course, in those days everyone gave a damn.
Citizens done with their lunch would leave their families
with no money and calmly walk to face death just for the
sake of the punctuation
in the wording of orders from above.
Nevertheless, in order to survive you could have close to
nothing.
But starvation was all around.
In Moscow, in Amritsar, in London, in Kyoto,
In Johannesburg, and Yokohama.

Детская игра в города: Воронеж, Женева.
Скажи Анапа, не ошибешься. Театр, какой же все-таки театр.

Теперь раздобревший художник переборщил с
излишествами,
Сцена ломится от портвейнов, колбас, костюмов,
Унитазов, сигарет, посудомоечных комбайнов,
автомобилей,
Туристических агентств, стиральных агрегатов, тканей,
лепешек, яхт,
Круглосуточных услуг, танцоров, гангстеров,
Печатной продукции, стихов,
Которых стало значительно больше, чем.

И необходимо расстрелять с десяток милых
попивателей чаю,
Чтоб изменить отношение к искусству,
Чтоб вернуть ему нужный тонус.

The game for children is called *The Cities*: Voronezh,
Geneva.

You can't go wrong by saying *Anapa*. What a theater,
for crying out loud!

Now an overweight artist overdid his extras,
The stage groans with port, sausages, costumes,
toilet bowls, cigarettes, dishwashers, cars,
travel agencies, washers, fabrics, scones, yachts,
round-the-clock services, dancers, gangsters,
printed matter, poems—way too many.

About a dozen sweet tea tasters gotta be shot
to change the reflection towards the art,
to bring the taste back to Art.

Секс, разумеется, гораздо лучше сна,
и походит на смерть только тем, что чреват новой
жизнью;
впрочем, для Сергея Афанасьева и Александры фон
Магдебург
забыть свое "я" в объятьях гораздо страшней,
чем проснуться с проросшими ногтями в просторном
добротнo сколоченном гробу.

Ату нас, паиньки! Доброй охоты!

It's said that sex is better than sleep

and it resembles death only in causing
new life,
though for Sergey Afanasyev and Alexandra von
Magdeburg
to lose their "selves" in embrace is more terrifying
than waking up with overgrown nails in a roomy
well-knocked coffin.

Giddy up, my dear! Have a good hunt!

Последнее время я пишу

гораздо меньше, чем мог бы,
ищу,
гораздо больше, чем стоило бы,
отшельник

в Крымских горах
– почти курортник,

Отсюда
так видится яснее.

На крыше трехэтажного дома
курю трубку,
наблюдаю взлетающие самолёты,,
до Абхазии 11 километров
зона войны,
бедствия,
побега.

Что я умею,
кого умою,
кто
споёт мне колыбельную песню,
отец Дмитрий в Ливадии
занят сбором русских руин,
руины
трубят сбор
руны
так и не расшифрованы.

Итак,
кто не писал мне ностальгических писем?, –
а их мне никто не пишет,
я представляю себе длинные письма
помнишь,
как стояли мы под дулами автоматов,
помнишь,
как переправлялись на пароме в окрестностях
Чарджоу,

Lately I write

way less than I could,
spending more time
looking for things
than I should, than they're worth;
an anchorite
 in the Crimean Mountains—
 almost a holiday-maker;
everything seems crystal clear
from here.

On the rooftop of the three-story house
I smoke a pipe,
watching the soaring plains;
Abkhazia—a war zone,
a disaster area,
a break-out—
11 kilometers from here.

What is my know-how,
whom will I bathe,
who will sing me a lullaby?
Father Dmitriy is in Levadiya—
busy gathering Russian ruins;
is trumpeting for a gathering;
runes
are still unscrambled.

Thus,
who hasn't written a nostalgic letter to me?—
no one has been writing to me;
I'm imagining lengthy letters.
Do you recall
how we stood at gunpoint,
do you recall
how we made our way on a ferry on the outskirts of
Changzhou,

помнишь,
на баррикадах, в вечернем платье,

в этих письмах существует и ритм, и чувство,
и ещё одиночество,
следует справляться с ним знакомым способом,
катись ко всем чертям,
глупая ностальгия

Вот,
опять надо делать выбор,
рядом возникают вещи,
с которыми трудно смириться
я не знаю,
разные ли боги создали азербайджанцев и евреев,
но мне не нравятся молодчики,
забывающие и тех, и других насмерть подкованными
башмаками...

В раю
не должно быть таких происшествий,
если б я попал в рай,
я бы прокрутил там несколько кадров из картины
знаменитого документалиста,
той самой, что показывал Хамдам, про Африку,
...вот только имя человека не вспомню.....

Чёрные солдаты занимают неизвестный город,
со смехом вспарывают животы, поджигают дома,
подстреливают разбегающихся ребяташек...

я не знаю, как он сделал такое кино,
что он – был там с ними? –
но это его работа
он получил деньги
и отдохнул на Ибице

do you recall
being at the barricades in an evening gown?

There is a rhythm and feeling,
as well as the loneliness—
in these letters.
Loneliness can be overpowered in a well-known way—
get the hell out,
old nostalgic feeling!

Here we go—
again it's time to make up our minds,
things are appearing
with which it's hard to deal.
I don't know if those were different gods
that created Azeri and Jews,
but I can't stand the thugs
beating those and others to death
with the soles of their boots made of iron . . .

Heaven—
isn't the place for such happenings.
If I'll ever end up in Heaven,
I'll replay a few frames from
a documentary of a famous director—
the same one who showed Khamdam, about Africa . . .
I just forgot that name of that person . . .

Black soldiers occupy an unknown town,
laughing cutting open bellies, setting houses on fire,
shooting fleeing-away children . . .

I don't know how he made such a movie,
was he there with them?—
but it's not his duty—
he got paid
and spent his vacation in Ibiza.

Прятедьница Хамдама, французенка, была с ним
знакома,
говорила, что он оттягивался не без изящества
допинг, дансинг,
и так интересно рассказывал про Африку...

может быть они там (в раю)
сжались, наконец, и вернутся ещё раз
мы будем послушными
собирать игрушки,
вовремя умываться чистить зубы,
внимательно слушать сказку на ночь...

The friend of Khamdam, a French lady who knew him,
used to say that he entertained himself in a rather refined
way—
doping, dancing,
and quite vividly talking about Africa . . .

Maybe they there (in Heaven)
will have mercy and, finally, would come back once
more.
We'll be obedient
picking up our toys
washing up, regularly brushing our teeth,
listening closely to a bedtime story . . .

В чужой стране, наверное, будет война;

чайник кипит, собака подложила под голову лапы,
тишина, быт, запахи мирного времени. Балагуры
свое отсмеялись, и новости,
в которых все больше угроз и все меньше результатов
футбольных матчей,
приелись.

Кому, скажете, это будет интересно,
что один, с лицом мятежного ангела,
и другой, с лицом состарившегося хоккеиста,
не поделили несколько тысяч жизней.

Я говорил ему: катастрофа
приближается незаметно,
а он мне – с улыбкой:
пойдём, мол, и выпьем кофе.

It seems that that the war is about to break

in the foreign country;

the kettle is boiling, the dog laid its head upon its paws,

silence, routine life, the scent of a peaceful life. *Farceurs*

are done with laughing, and the news

with more treats and fewer results of the football

games—

hoary little things.

The listeners would not be interested,

neither one of them—the one with the face of a riotous angel,

nor with a face of a retired hockey player,

simply couldn't divide a few thousand lives among themselves.

I told him: Catastrophe

is humbly approaching

and he got back to me with a smile:

Well, then, let's go grab a cup of coffee.

в советское время Адлер

был заполнен потными телами толстых тёток
крепко сбитыми телами спортсменов вытянутыми
телами
их подруг
спортс-вумен
внимательными и серьезными
неулыбчивыми

они пили местные вина
и играли в преф

лица всех национальностей бывшего
Советского Союза
их обслуживали с известной ленцой,
за ту же зарплату

на любимом курорте Сталина
не должно было существовать чересчур уж
свободных нравов
людей свободных профессий
хотя здесь тоже случались любовные истории
да ещё какие
описанные позже Фазилем Искандером,
другими авторами Нодаром Думбадзе
и главное
Ксенией Леонардовной Яшигашвили
Ксения Леонардовна проживала в Хосте
с тысяча девятьсот сорок восьмого года,
она коллекционировала эротические сны и
адюльтеры
даже в те времена, когда за это можно было получить
лет пять или семь общего режима

короткие
они пленяли воображение принципиальной
неромантичностью
разве что какой-нибудь ашуг

Adler of the Soviet era

was jam-packed with chubby bodied women spreading B.O.,
sturdily-built tall bodies of sportsmen
their girlfriends—
sportswomen—
observant and serious
unsmiling.

They drank local wines
and played *Preference*.

People of all nationalities of the former Soviet Union
served them with such common laziness—
getting paid the same wage.

In Stalin's favorite resort
people of the liberal professions
could not act so freely
though love stories used to happen often,
such amazing stories
that were later written about by Fazil Iskander,
and some other authors like Nodar Dumbadze
but—of foremost importance—by
Ksenia Leonardovna Yashigashvili
Ksenia Leonardovna Yashigashvili had lived in Host
since one thousand nine hundred and forty-eight
She used to collect erotic dreams and adultery stories
even in those days when one could get at least
five–seven years in a minimum security facility.

Short they were,
they captivated the imagination by being absolutely
unromantic
except for those where some creep

навсегда увезёт Лену и Машу в горы,
или Савинков из Ленинградского КБ
и Наташа Бондарь из Львовского жироскомбината
уйдут в море на лодке
и не вернуться

обычно все возвращались
по рабочим местам,
показывали избранные фотографии
это было одно из двух-трёх приключений в их жизни
одно из двух-трёх приключений

я прочитал книгу Клары Леонардовны залпом
за одну ночь
во сне

более образованные
более свободные люди
отправлялись дальше на юг
в Грузию
ещё чаще на север
в Прибалтику

или в Ялту
где женщины и по сей день
одеваются с большим изяществом
длинноногие

would be taking Lena and Masha
forever into the mountains
or Savinkov from Leningrad's design bureau
and Natasha Bondar from the Lvov Oils and Fats Plant.
They would row far out to sea
and never come back.

But usually everyone would come back
to their workplace.
They would show selected photographs
that were counted as one out of very few adventures
in their lives
the one out of two or three adventures.

I read Klara Leonardovna's book at one gulp—
overnight—
in a dream.

People who were more educated
more free
went farther South—
to Georgia—
but more often to the North—
into the Baltics.

Or to Yalta
where women are still dressed very stylishly—
long-legged.

Клубные пиджаки, короткие юбки,

только попробуй у меня, и выйдешь червой,
развалины, липкая ярость, отправимся покурить
и выясним отношения,
слишком красные губы, слишком длинная сигарета.
Клади мне ноги на плечи, клади с прибором
на обложки глянцевых журналов, облатки против
зачатья,
я бывал в Зачатьевском монастыре, я все понимаю,
но название - хочешь - не хочешь - странное.
В городе синонимы ведут войну,
улица, магистраль, проспект, переулок,
дом, жилище, бордель, кинотеатр,
я тебя выебу, когда перегорит проводка -
она произносит эти слова с удовольствием,
растягивая губы.
Современный человек обречен на упадок,
в коктейле "Маргарита" трудно найти след вестника,
но у бармена такие острые уши,
что при желании можно придумать все, что угодно.

Blazers, short skirts,

just have a taste and you'll turn hearts,
ruins, sticky rage—let's go out for a smoke
to straighten things up;
the lips are too red, the cigarette is too long.
Place your legs on my shoulders, spit upon
glossy magazine covers, contraceptive caches,
I've been to the Conception Monastery, I get it—
but the way they call it—whether you like it or not—
it's quite strange.

Synonyms are at war in the city—
a street, a highway, an avenue, a lane,
a house, a dwelling, a brothel, a movie theater—
“I'll fuck you, when the wiring blows” —
she utters these words with pleasure stretching her lips.
A modern man is doomed to decay,
it is difficult to find a messenger's mark
in a Margarita cocktail,
but the barman has sharp ears,
so that one can make up anything imaginable.

КРАТКИЙ ЛИКБЕЗ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

На Кавказе,
где прежде, чем спросить, как тебя зовут,
тебя спрашивают: какой ты нации? –

это тревожило ещё Мандельштама,
о чем он написал в своей «Армении», –

иногда мнится,
что приятно
жить в собственной стране,
в своем доме,
среди своих...

но как вспомнишь этих своих,
как они гогочут,
сплёвывают семечки,
идут мочить чёрных,
кадрят незамысловатых девок

какую они слушают музыку
на отдыхе,
в рюмочных и пивных

хочется сказать пару тёплых слов о футболе в Абхазии,
где никто не гонит с поля детей в перерыве
ответственного матча
местного чемпионата,
и если пятилетний малыш
выбежал со всеми на травку,
ему скорей дадут пас,
чем пинком отправят к маме и папе...

у меня нет устоявшегося мнения
по поводу грузино-абхазского конфликта,

ON THE ISSUE OF MULTI-ETHNIC RELATIONS

In the Caucasus,
where, before you are asked, What is your name?
you are questioned about your nationality
(a fact that worried even Mandelshtam,
which he wrote about it in his “Armenia”)—

It evokes a weird feeling—
about life in your
own home,
in your
own country,
among those close to you . . .

But when I think of these folks at home—
the way they guffaw,
spit sunflower seeds,
pick rods for so called *blacks*,
pick up unpretentious chicks

the music they listen to
on vacation
in the watering holes and bars,

I’d like to put in a few good words about football in
Abkhazia,
where no one chases kids out of the field between half-
times
during an important local league
championship game,
and if a five-year-old kid
runs out to the green field with everybody,
someone would rather kick him a ball,
than kick him all the way to his parents . . .

I have no strong opinion
on the Georgian-Abkhaz conflict,

миграционной политики
и палестинского вопроса

но, если ещё возможно взглянуть на происходящее
с точки зрения поэзии

то быть евреем среди евреев,
русским среди русских,
итальянцем среди итальянцев

бесперспективно

migration policies,
and on the Middle East issue.

But, if there is still a possibility
to look from the poetic point of view
at what is going on—

then being a Jew among Jews
a Russian among Russians
an Italian among Italians

is a dead end.

ИСКУССТВО

Раньше я всегда делал ставку на ИСКУССТВО,
Которое ПЕРЕЖИВЁТ СТОЛЕТИЯ,
А теперь думаю: «А ну его на хуй!»

ON ART

Formerly, I would always bet on ART.
The art that will SURVIVE THROUGHOUT THE CENTURIES,
Nowadays I say to myself: "FUCK IT!"

Никто ничего не говорил

никто не учил
всё как первый раз
жалобы стоны страхи
в голосе шершавые ноты
снег идёт, укрывая землю белым,
а ты ни при чем

шершавые ноты в голосе
шаркая, переключаясь, как птицы на юг
как женщины в очереди у бутырской тюрьмы
дорисован круг
западня

как это всё уместить, понять,
проверить и одолеть,
если б охранник взял плеть, блядь,
если б он взял плеть

если б инквизитор приготовил дыбу
и стал загонять иголки под пальцы,
если б случилось всё, что известно из истории,
из толков, пересудов, слухов, осмеянных столько раз,
что и каяться не о чем,
всё было б гораздо проще...

лучше успеть к отправлению
с чемоданом, набитым разрешёнными шмотками,
оказаться среди выбритых, выбранных, отпетых
(в данном случае почти невозможно)
Но где же Ты?

Ты мой Боже какой праздник
у них в транспорте трещина многое
не так страшно как казалось
развязка откладывается еще на один
чаю?
нет, лучше я покурю

Nobody said anything

nobody taught
everything as if it were for the first time
complaints groans fears
rough notes in the voice
snow is falling covering the ground with white
and you've got nothing to do with it.

Rough notes in the voice
scuffling, calling to each other, while the birds are going South
as women standing in single file by the Butyrskaya Prison
the circle has been drawn in a trap.

How to fit all this, to comprehend,
to check it out and then overcome,
if the guard would've taken a whip, damn,
just would've taken a whip.

If an inquisitor would've prepared *strappado*
and begun driving needles under your fingernails,
if everything that we've learned from history
would've happened,
from the talks, gossip, rumors ridiculed so many times,
that there would've left nothing to repent,
everything would have been much easier . . .

It is better to arrive in time for the departure
carrying a suitcase stuffed with allotted tricks,
be among the clean-shaven, the selected, the goners
(in this case it is almost impossible)
But where are You?

What a feast, oh, my Lord,
there's a crack in all kinds of transport
it's not as scary as it seems, the denouement
is postponed for another day
Cup of tea?
No, I'd rather have a smoke

Все, что я умею, имею,
голоса, как опасная бритва,
исполосовавшая бессонницу...

Какая очаровательная блондинка,
какие колготки!

All I know and have,
voices like a straight razor
that slash insomnia . . .

What a charming blonde,
what a pair of tights!

ABOUT THE TRANSLATOR

Aleksey Dayen is a poet, translator, and photographer. He was born and raised in the USSR and moved to the United States in 1994. His writings have been published in anthologies and leading periodicals worldwide, and his photographs have appeared in many magazines and newspapers, on book covers and posters, as well as in gallery exhibits in Europe. Aleksey translates from Polish and English into Russian and from Russian into English. Among others, he has translated poems by Gregory Corso, Stanley Kunitz, Jack Micheline, Dylan Thomas, and A. D. Winans into Russian; Rita Balmin, Genrikh Saggir, Sergey Shabalin, and Sergey Tashevsky into English. Dayen has created a highly acclaimed series of large-scale portraits of artists, musicians, politicians and writers, including David Amram, Lawrence Ferlinghetti, Vaclav Havel, Peter Thabit Jones, Vaclav Klaus, Stanley Kunitz, Boris Lurie, Victor Ourin, Otto Piene, Alexander Podrabinek, Victor Sanchuk, David Slivka, Aldo Tambellini, and Alexander Yeryomenko. In 2004, he was awarded the David Burluk Prize. Dayen is an author of almost two dozen books—novels, poetry, and poetry translations. He works as a photographer, translator, and an interpreter in psych wards of NYC and NYC MTA hearings.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Алексей Даен – переводчик, фотограф, поэт. Лауреат Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка за 2004-й год; журнала "Дети Ра" за 2009-й. Автор многих книг, публикуется на русском и английском языках в ведущих изданиях США, Европы и Азии. Стихотворения и переводы автора вошли во многие антологии, фотографии выставляются в европейских галереях. В 2010-м вместе с А. Очеретянским составил мини-антологию "Наш Выбор", посвящённую короткому стиху второй половины XX-го века. Живёт и работает в Нью-Йорке.

ABOUT THE AUTHOR

Andrey Polonsky is a poet, writer, essayist, translator, and historian from Moscow. Being a dissident, for his activities, he was expelled from the University of Moscow in 1978. In the 80's he made a living as a translator of poetry into Russian. Polonsky is the editor and translator of *Modern Algerian Poetry*, and the author of many translations of Georgian and Middle-Eastern poets who appeared in the Soviet press. Also in the 80's, he organized and led the circle of poets known as YER (Hard Sign). Since 2006, he co-edits the online www.avantoure.com project. In addition, he is a well-known author of books about Russian history and has published his poetry in many major Russian literary journals. This is his third poetry collection.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Полонский – московский поэт, эссеист, прозаик, переводчик, историк. В 1976–1978 гг. учился на историческом факультете МГУ, откуда был отчислен после ареста за антисоветскую деятельность. В 1980-е гг. занимался поэтическим переводом, выпустил книги: «Современная алжирская поэзия» (антология), «Тахар Бенжеллун», «Кабир Грантхавали», переводы грузинских и центральноазиатских поэтов в различных советских изданиях. В конце 1980-х гг. совместно с друзьями создал поэтическую группу и альманах «Твердый Знакъ». С 2006 года он выступал как один из авторов и концепт-редактор международного проекта «Авантур» (Нью-Йорк – Лондон; www.avantoure.com). Один из создателей *Общества Вольных Кастоправов* (2000). Автор книг стихов «Малая колесница» (2001), «Иерусалим–Тибет» (2005), а также нескольких книг и брошюр по русской истории.

